

УДК332

DOI10.24412/2411-1945-2022-3-143-153

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
РЕГУЛИРОВАНИЕ В СФЕРЕ
РЕЛИГИОЗНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ:
ОПЫТ УКРАИНЫ (1991–2021 гг.)**

**ТАНЗИМИ ДАВЛАТӢ ДАР СОҲАИ
ФАЪОЛИЯТИ ДИНӢ: ТАҶРИБАИ
УКРАИНА (СОЛҲОИ 1991–2021)**

**STATE REGULATION IN THE SPHERE
OF RELIGIOUS ACTIVITIES: THE CASE
OF UKRAINE (1991–2021)**

Соколовский Константин Геннадьевич,
канд. юрид. наук, доцент, профессор
кафедры общеобразовательных дисциплин
Гуманитарно-технической академии
(Казахстан, Кокшетау)

Соколовский Константин Геннадевич,
номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ, дотсент,
профессори кафедраи фанҳои
умумимаълумоти Академияи
гуманитарию техникӣ (Қазоқистон,
Кокшетау)

Sokolovsky Konstantin Gennadyevich,
candidate of juridical sciences, Associate
Professor; Professor at the Department of
general educational subjects of Humanitarian-
Technical academy (Kazakhstan, Koksheta) E-
MAIL: k_sokolovskiy@fastmail.com.

Ключевые слова: государственно-конфессиональные отношения, государство и религия, религиозные объединения, управление религиозными отношениями, конфессии, модель взаимодействия, государственные структуры

Описываются особенности государственно-конфессиональных отношений на Украине, их эволюция с момента обретения независимости и до 2022 года, сложившаяся система управления религиозными процессами в стране, а также проблемы её формирования и функционирования. В качестве ключевых методов исследования задействованы исторический, формально-юридический, аналитический и сравнительный методы. Определён субъектный состав институционального обеспечения государственно-конфессиональных отношений на Украине, выделены основные этапы трансформации данного процесса, в том числе в контексте субъектов рассматриваемой сферы, их компетенций и решаемых задач, места в системе государственной власти. Обосновано, что к 2022 году в управлении религиозными процессами на Украине установлена партнёрская модель государственно-конфессиональных отношений, выделены основные проблемы их развития и функционирования, как то: административные риски регулирования указанной сферы, влияние на неё нестабильной политической ситуации и конфессиональной раздробленности, а также затяжных социально-религиозных конфликтов. Временные рамки исследования заданы с учётом начала в феврале 2022 года специальной военной операции России на Украине, с высокой степенью вероятности положившей начало реформатированию системы государственного управления страны.

Калидвожаҳо: муносибатҳои давлатӣ-конфессионалӣ, давлат ва дин, иттиҳодияҳои динӣ, идоракунии муносибатҳои мазҳабӣ, мазҳабҳо, амсилаи ҳамкорӣ, сохторҳои давлатӣ

Хусусиятҳои муносибатҳои давлатӣ –конфессионалӣ дар Украина, таҳаввулоти онҳо аз лаҳзаи ба даст овардани истиқлолият то соли 2022, низоми ба миён омадаи идоракунии равандҳои мазҳабӣ дар мамлакат ҳамчунин масъалаи ташаққул ва амалқарди он тавсифи шудааст. Ба сифати методҳои калидии таҳқиқ методҳои таърихӣ, шаклӣ-ҳуқуқӣ, таҳлилӣ

ва қиёсӣ истифода шудаанд. Таркиби субъектии таъмини институтсионалии муносибатҳои давлатӣ-конфессионалӣ дар Украина муайян шудаанд, марҳилаҳои асосии трансформатсияи ин раванд аз ҷумла дар қаринаи субъекҳои соҳаҳои мавридди таҳқиқ, салоҳиятҳои онҳо, вазифаҳои, ки онҳо ҳал мекунанд, ҷои онҳо дар низоми ҳокимияти давлатӣ ҷудо карда шудаанд. Асоснок карда шудааст, ки соли 2022 дар идоракунии равандҳои динӣ дар Украина амсилаи шарикии муносибатҳои давлатӣ – конфессионалӣ муқаррар карда шудааст, масъалаҳои асосии рушд ва амалкарди онҳо, аз ҷумла хавфҳои вазъияти сиёсии ноустувор ва парокандагии конфессионалӣ, ҳамчунин задухӯрдҳои дунболадари иҷтимоӣ-динӣ ҷудо карда шудаанд. Чаҳорҷӯбаи замони таҳқиқ бо назардошти оғоз ёфтани амалиёти махсуси низомии Русия дар Украина аз моҳи феврари соли 2022, ки бо эҳтимоли қавӣ ба қоллаббандии тақрори низоми идоракунии давлатии мамлакат оғоз мебахшад, муайян карда шудааст

Keywords: *state-confessional relations, state and religion, religious associations, management with religious relations, confessions, model of interaction, state structures*

The article describes the features of state-confessional relations in Ukraine, their evolution from the moment of gaining independence until 2022, the existing system for managing religious processes in the country, as well as the problems of its formation and functioning. Historical, formal-legal, analytical and comparative methods are used as key research methods. The work determines the subject composition of the institutional support of state-confessional relations in Ukraine, it highlights the main stages of the transformation of this process, including them into the context of the subjects of the sphere under consideration, the powers they are authorized with the tasks to be solved and their place in the system of state power. It is substantiated that a partnership model of state-confessional relations has been established by 2022 in the management with religious processes in Ukraine, the main problems of their development and functioning have been identified, such as: administrative risks of regulating this sphere, impact of the unstable political situation and confessional fragmentation on it, as well as protracted socio-religious conflicts. Temporal frames of the study are set with taking into account the start of Russia's special military operation in Ukraine, in February 2022 which with a high degree of probability laid the foundation for reformatting the country's public administrative system.

После обретения независимости в 1991 году Украина провозгласила себя светским государством, что стало важной вехой для начала формирования гражданского общества. За религиозными объединениями на законодательном уровне было закреплено право свободно осуществлять собственно религиозную, а также прозелитическую, благотворительную, социокультурную, хозяйственную деятельность, было положено начало взаимодействию и сотрудничеству государственных институтов с ключевыми конфессиями.

За тридцать лет развития Украины сформировалась уникальная модель государственно-конфессиональных отношений, возникли её институции. Созданы государственные структуры, их деятельность, как провозглашено, направлена на толерантизацию существования конфессий, обеспечение свободы совести и равенства религий, с различной степенью успешности модернуется межрелигиозная и внутриконфессиональная напряжённость, сформирована сеть аналитических и научно-исследовательских центров, ориентированных на проблемы управления религиозной политикой. Религиозные организации, несомненно, стали важной частью не только общественной, но и политической жизни страны: например, конфликт, порождённый созданием Православной церкви Украины (ПЦУ) на канонической территории Украинской православной церкви

Московского Патриархата (УПЦ) можно назвать одним из определяющих факторов современного политического поля. Как справедливо замечает Е.А. Сенюшкин, «в условиях обострения геополитической конкуренции религиозно-политические процессы активно подвергаются манипулятивно-технологическому воздействию» [14, с. 43].

Государством с 1991 года решена ключевая задача – законодательно зафиксированы отход от атеистического монополизма в духовной жизни общества, отказ от давления на личность по религиозному признаку, а религиозные организации получили статус юридических лиц со всем комплексом соответствующих прав и обязанностей.

Однако, несмотря на то, что конфессии таким образом стали полноправным и значимым субъектом гражданского общества, всё же многие вопросы государственно-конфессиональных отношений на Украине решены не были. Прежде всего не завершён процесс реформирования религиозной политики на основе норм светского, правового и демократического государства, где признано не только личное, но и институциональное осуществление свободы вероисповедания. Не найдено решения раскалывающего православное общество конфликта между канонической УПЦ и агломератом альтернативных церквей, объединённых в ПЦУ. Это так и не урегулированное противоречие приняло этнорелигиозный характер и сопровождается многочисленными актами насилия в отношении канонической УПЦ [11, с. 23]. Поиск оптимальных форм взаимодействия светских и религиозных институтов требует осмысления как феномена религии, так и проявлений религиозности, что позволяет задать верную парадигму государственно-конфессиональных отношений на перспективу, в том числе при модернизации системы государственно-конфессиональных отношений по завершении военной фазы российско-украинского конфликта.

В этой связи тема управления религиозной политикой на Украине представляет несомненный исследовательский интерес, тем более, что местный опыт государственного строительства в рассматриваемой сфере безусловно применим на постсоветском пространстве.

Цель статьи – систематизация особенностей государственно-конфессиональных отношений на Украине в контексте их нормативно-правового регулирования и нынешнего состояния общественного развития государства. Автором использован исторический метод, позволивший реконструировать основные этапы становления системы государственно-конфессиональных отношений. Картина управления религиозной политикой описана с применением системного метода, необходимого для создания целостного видения при изучении исследуемых отношений. Формально-юридический метод задействован для проработки вопроса нормативно-правового обеспечения в рассматриваемой сфере.

Эволюция государственно-конфессиональных отношений на Украине. Как отмечалось выше, в 1991 году на Украине началось строительство светского государства. Известно, что фарватеры взаимодействия государства и религиозных институтов, в целом модель государственно-конфессиональных отношений, динамику её изменения предопределяют протекающие в стране социально-политические процессы [20, с. 232], что находит выражение в корпусе нормативных правовых актов, отражающих регулирование рассматриваемой сферы. Сопоставительный анализ позволяет проследить этапы развития государственной политики Украины в сфере свободы совести. Нами выделено три условных периода:

1. Важной особенностью постсоветского этапа трансформации командно-административного подхода в государственно-конфессиональных отношениях с 1991 года стала высокая, даже в сравнении с другими республиками СССР, религиозность местного населения. Например, В.Е. Еленский демонстрирует, что «накануне горбачёвских реформ Украина была республикой с наибольшей в СССР концентрацией православных общин (из шести тысяч общин, существовавших в Советском Союзе, четыре тысячи приходилось на Украину) и с самым

многочисленным в Европе религиозным подпольем (прежде всего украинские греко-католики, а также десятки тысяч пятидесятников, свидетелей Иеговы, баптистов-инициативников и другие)» [5, с. 27]. Потому государство, вынужденное учитывать сложившуюся религиозно-общественную ситуацию, а также высокую конкуренцию общин (украинские православные канонического Московского, а также Киевского патриархатов и автокефальные, католики, греко-католики, разнообразные протестантские церкви, мусульманские общины, особенно в местах компактного проживания татарского населения) и значительное число прихожан каждой из них, начинает выстраивать политику, в которой доминирует прежде всего либеральная декларативность (заявления о свободе совести и вероисповедания, отказе от давления на религиозные институты, принципах отделения государства от иных сфер общественной жизни и так далее).

Принятие властью масштабной десекуляризации социума выразилось, в том числе, в провозглашении демонтажа атеистической модели управления религией, признании права свободы совести и в целом поддержке либеральных концепций в государственном управлении. Хотя заметим, что эти процессы происходили при полном отсутствии не только институтов управления религиозной политикой, но и сколько-нибудь внятного представления об их функционировании, парадигмах её формирования. Тем не менее, они были важны как сигнал для общества, как идея в формате отправной точки, ставшей фундаментом отстройки новой архитектуры государственно-конфессиональных отношений. При этом религия фактически оказалась провозглашена частным делом гражданина, от управления которой власть демонстративно дистанцируется (вскоре это станет причиной расцвета деструктивного тоталитарного сектанства – Великое белое братство ЮСМАЛОС, Духовный центр «Возрождение» и другие). По справедливому замечанию Е.У. Байдарова, «государство в этот период исправляло ошибки и "отдавало долги" атеистического прошлого» [1, с. 12].

2. Второй этап характеризуется тем, что государство постепенно отходит от тотально-либеральных концепций в управлении, понимая необходимость регулирования ключевых сфер жизни общества, в том числе религиозной. Закладываются нормативно-правовые основы участия государства в создании позитивных условий развития и функционирования конфессий, прежде всего в Конституции.

Основной Закон Украины (ч. 3 ст. 35) не только гарантирует свободу мировоззрения и вероисповедания, но и тем самым закрепляет плюралистическую форму государственно-конфессиональных отношений. Её отличительные признаки – отделение церкви от государства, школы от церкви, отказ от признания той или иной религии обязательной.

Принятый в 1991 году закон «О свободе совести и религиозных организациях», несмотря на ряд неизбежных за прошедшие 30 лет корректировок, всё же остался неизменным по духу и букве. Он вобрал в себя ключевые либеральные идеи, обеспечивающие свободное существование конфессий на территории страны: отделение государства от религии, равный статус для всех официально действующих религиозных организаций, минимальные требования для прохождения ими государственной регистрации, отказ от воспрепятствования прозелитической деятельности, в том числе новым религиозным движениям и конфессиям, не имеющим исторического опыта миссии на Украине.

Заданные административные парадигмы развития государственно-конфессиональных отношений позволяли Украине десятилетиями удерживать самые высокие позиции в международных индексах религиозной свободы [16]. С одной стороны, как уже отмечалось, такой подход делает неизбежными риски, традиционно сопровождающие бесконтрольное функционирование сект и новой религиозности вообще. С другой, как отмечает ряд исследователей, например С.И. Иваненко, он не позволяет антикультуризму спровоцировать

деформацию вероисповедальной политики и стать определяющей частью идеологии государственного управления религиозными отношениями [6, с. 9].

Введение в Конституцию положений о свободе совести, а также принятие закона «О свободе совести и религиозных организациях» при всех их неизбежных для первых лет демократического развития недостатках закрепило status quo высокой конкурентности религиозного поля и широкой палитры представленных религиозных объединений – игроков, а также задало формат взаимоотношений государства и религиозных организаций, который в целом сохранился до последнего времени.

3. Этап обеспечения нормативно-правовых основ и развития роли конфессий в гражданской жизни украинского общества. Как справедливо отмечает М.С. Васин, к началу 2000-х годов изменилось не только отношение населения к религиозным организациям, получившим безусловное признание и поддержку большинства, но и органы государственной власти Украины также стали воспринимать их как неотъемлемый институт гражданского общества [2, с. 81]. В 2003 и 2009 гг. были внесены важные изменения в закон «О свободе совести и религиозных организациях», предоставившие конфессиям право принимать участие в гражданской жизни, а также использовать, подобно иным общественным объединениям, средства массовой информации для донесения своей позиции, как то: право свободного распространения информации, обращения к органам власти (государственным и местным) с предложениями, заявлениями, жалобами, право получения публичной информации, право участия в разработке проектов нормативно-правового обеспечения, касающихся религиозной сферы и иных важных проблем общественной и государственной жизни, право на проведение мирных собраний, а также осуществления других прав, не запрещённых законом.

Приобретя в полной мере права общественных объединений и будучи зарегистрированными как юридические лица, религиозные организации получили возможность учреждать средства массовой информации, принимать участие в осуществлении государственной регуляторной политики, деятельности советов, специальных органов в сфере функционирования таких субъектов и др. Это стало важнейшим аспектом в деятельности религиозных объединений [8, с. 76–77].

4. Завершающим этапом стала трансформация институционального обеспечения исполнительной властью государственно-конфессиональных отношений на Украине. Она знаменовала завершение транзита от советского секулярного к постсоветскому десекуляризованному обществу, а если смотреть шире – от индустриального к постиндустриальному, способному стать полноправным членом глобального мирового сообщества.

Заметим всё же, что к середине 2000-х гг. на Украине несомненно фиксируется разное восприятие общей ситуации в религиозном вопросе государственными органами с одной стороны и гражданским обществом – с другой. На фоне позитивных оценок государственно-конфессиональной политики и достижений Украины в рассматриваемой сфере явным диссонансом звучат более сдержанные мнения общественных институтов [15, с. 144]. Критика преимущественно вызвана неспособностью власти преодолеть раскол общества, формальным выражением которого стало параллельное существование нескольких православных церквей, оспаривающих каноническую территорию УПЦ, а после подписания томоса и создания ПЦУ – повсеместное «нарушение религиозной свободы» и активный «захват храмов» [9, с. 196–197].

Заметим здесь, что при отсутствии консолидирующих идеологических смыслов и объединяющей политической культуры, что характерно в целом для большинства постсоветских стран и что особо демонстрирует Украина после 2014 года, именно традиционные конфессии, выступая коллективными идентичностями, способны в какой-то

мере компенсировать их отсутствие. Поэтому государственно-конфессиональным отношениям придавалось особое значение.

Модель государственно-конфессиональных отношений на Украине к 2022 году. Ключевой аспект изучения современного состояния государственно-конфессиональных отношений – определение их концептуальной модели, основанной на научно обоснованных идеологиях, классификационных подходах к систематизации видов взаимодействия управленческих органов и религиозных организаций.

Характеризуя сложившуюся на Украине модель управления конфессиональными отношениями, М.С. Васин [2, с. 84] совершенно справедливо называет её режимом аккомодации (приспособления) с элементами кооперации. Такая модель альтернативна и прямо противоположна сепарационной модели [18, с. 79], базирующейся на идее безусловного отделения церкви от государства, курс на построение которой, как мы показали выше, был взят на Украине изначально. Аналогичным образом К.В. Преображенская и И.Е. Осокин [13, с. 279], О.С. Мелехова [10, с. 124] и другие, выделяя партнёрскую (паритетную или учитывающую интересы, приоритеты участников) и сепарационную (всеобъемлющее разделение церкви и государственной власти) модели, приходят к выводу, что на Украине формируется первая. Согласимся с данной точкой зрения, тем более, когда очевидно, что паритетная модель государственно-конфессиональных отношений – единственно возможная в условиях исключительно высокого уровня религиозности населения.

Думается, причисление модели государственно-конфессиональных отношений на Украине к аккомодационной (паритетной) наиболее верно ещё и потому, что складывающаяся религиозная ситуация в стране характеризуется беспрецедентным в сравнении с другими странами обращением населения к вере. Например, официальная статистика [7, с. 12] демонстрирует устойчивый рост количества как возведённых культовых сооружений (на 44,9%), так и числа самих верующих (на 14%). И если увеличение введённых в эксплуатацию новых зданий (главным образом церквей) для нас не столь информативно, поскольку отражает, надо полагать, скорее картину массового строительства по всей стране общинами УПЦ храмов взамен захваченных ПЦУ после подписания томоса «Об автокефалии Православной церкви Украины», то 72% верующих граждан от общей численности населения Украины на 2021 год – показатель, в целом характеризующий религиозное поле страны и предопределяющий переход к паритетному государственно-конфессиональному взаимодействию.

Общеизвестно, что в странах, где отсутствует паритетность между церковью и государством, не наблюдается столь значительного роста численности верующего населения. Это касается прежде всего государств с сепарационной моделью отношений. Например, в постсоветской Эстонии [17], декларирующей на законодательном уровне отделение этих двух сфер, к концу 2020 г. насчитывалось 29% граждан, называющих себя верующими, что примерно соответствует численности верующих в этой стране по состоянию на конец 2000 г. Безусловно, необходимо учитывать весь спектр причин, оказавших влияние на стагнацию динамики, – от социокультурных до экономических, однако, на наш взгляд, ситуация во многом объясняется условиями разделения религиозной жизни и государства, ничтожной ролью органов государственной власти в развитии диалога с конфессиями, регулирования, в том числе поддержки, данной сферы общественных отношений.

Согласимся с О.М. Грициной [4, с. 327], которая вслед за упомянутыми авторами также определяет современную модель государственно-конфессиональных отношений на Украине как партнёрскую. При этом она справедливо отмечает, что в современном виде такая схема

была сформирована лишь к середине 2000-х гг., а до этого периода действовала плюралистическая модель, основанная на полном отделении религиозных организаций от государства, их независимом функционировании.

Более активное участие государства в управлении религиозной политикой и развитии конфессионального пространства, помимо прочего, обеспечивается комплексом административных инструментов, позволяющих оказывать влияние на религиозное поле.

Так, следует выделить регулирование налогообложения религиозных организаций в первую очередь введением льгот, каникул и иных послаблений, которые носят стимулирующий характер для их развития [3, с. 93], а также позволяют власти оказывать поддержку тем или иным конфессиям.

Активно также используется регулирование восстановления прав религиозных организаций на имущество, в том числе недвижимость, утраченную в период СССР, а также содействие в продаже, предоставлении в аренду земельных участков, помещений, необходимых для осуществления их культовой и организационной деятельности. Поскольку практика реституции либо предоставления земельных участков под строительство тех же храмов предусматривает обращение религиозных общин к органам государственной власти разных уровней, она также предоставляет государству важный инструмент регулирования религиозной политики.

Развитию делиберативной демократии способствует включение представителей тех или иных конфессий в состав различных комиссий как на высшем уровне (при Кабинете Министров и его органах, Верховной Раде и других), так и на местном уровне. Тем самым религиозные организации вовлекаются в процесс разработки законопроектов, изучение правоприменительной практики, продвижение позитивной повестки в обществе, участвуют в разрешении спорных ситуаций, медиации конфликтов и т. д.

Вызовы государственно-конфессиональной политики (вместо заключения). Формирование и развитие системы государственно-конфессиональных отношений, протекавшее на фоне практически перманентного религиозно-политического конфликта в стране, сопровождается определёнными проблемами, негативно влияющими на состояние процесса. Естественным образом по завершении специальной военной операции 2022 года и отстройки мирной жизни они окажутся ключевыми триггерами украинской администрации в сфере государственно-конфессиональной политики.

Важнейшей проблемой, актуальной уже сегодня (очевидно, что военная операция её в значительной степени усугубит), является расколотость общества по религиозному признаку. Более того, приверженность той или иной церкви нередко привязана к геополитическим предпочтениям прихожан, а численность общин явственно разнится в зависимости от региона страны.

Ситуация осложняется перманентной политической турбулентностью. Частые смены у власти политических сил – носителей разных идеологий негативно сказываются и на стабильности государственного курса во взаимоотношениях с конфессиями: изменения в политическом режиме определяют периодические смены подходов государства к построению политики регулирования деятельности религиозных организаций.

Нерешённым вопросом остаётся регламентация религиозного образования на Украине. Несмотря на законодательное закрепление отделения школы от церкви, существуют нормы, позволяющие осуществлять религиозное образование в специальных кружках, группах, семинарах и т. п. При этом не установлено норм, которые бы определяли возможность проведения уроков религиоведения (уроков христианской этики и других) в общеобразовательных учебных заведениях, однако на практике в школьную программу по желанию родителей либо с подачи администрации включаются такие факультативы, что

формально противоречит действующему законодательству.

Несомненно, нуждается в модернизации законодательная база функционирования религиозных организаций. Например, требует пересмотра и принятия подготовленная в 2000-х годах усилиями гражданского общества Концепция государственно-конфессиональных отношений, назрело обновление закона «О свободе совести и религиозных организациях». Кроме того, украинской власти предстоит продолжить работу по внесению изменений и дополнений в нормативные правовые акты, касающиеся вопросов пользования религиозными организациями землёй, предоставления им в аренду объектов социального и культового назначения, возвращения таковых (реституции), материальной компенсации за утраченное имущество, регулирования религиозного образования, аккредитации и лицензирования государством этого вида деятельности, корреляции светских и духовных образовательных стандартов.

В рамках государственно-конфессиональной политики также целесообразно закрепить механизмы, обеспечивающие максимальную вовлечённость религиозных общин в социальные процессы. В частности, речь идёт о поддержке различных социальных и иных инициатив, введении не прошедших регистрацию религиозных объединений в правовое поле и о содействии в получении ими статуса юридических лиц, упорядочение процессов религиозно-экспертной оценки уставных и вероучительных документов новых религиозных движений, регулировании пастырского служения в Вооружённых силах, полиции и иных силовых и правоохранительных структурах, а также исправительных учреждениях, регламентации прав верующих на выходной день в религиозные праздники, особеном (с учётом статуса в обществе) пенсионном обеспечении священнослужителей, а также их социальном обеспечении в случае инвалидности и т. д.

В конечном счёте перед Украинским государством стоит глобальная задача в области конфессиональной политики – вывести религию из инструментализации и использования во внутривнутриполитических и геополитических целях. Тем самым будет обеспечена постепенная нормализация религиозной жизни в стране, а конфессии станут полноправными саморегулируемыми субъектами гражданского общества.

Список использованной литературы:

1. Байдаров Е.У., Бутова Е.Е., Косиченко А.Г. Светская модель государства в контексте государственно-конфессиональных отношений в Республике Казахстан // Актуальные вопросы государственно-конфессиональных отношений в Республике Казахстан: сб. материалов. – Алматы: Институт философии и политологии Комитета по науке Министерства образования и науки Республики Казахстан, 2012. – 72 с.
2. Васін М.С. Сучасна державно-церковна взаємодія в Україні: переосмислення конституційних засад (Современное государственно-церковное взаимодействие на Украине: переосмысление конституционных основ) // Часопис Київського університету права (Журнал Киевского университета права). 2019. № 3. С. 80-87.
3. Греца Я.В. Зміст, правові засоби та межі податкового планування: зарубіжний досвід та українська практика (Содержание, правовые средства и границы налогового планирования: зарубежный опыт и практика): дис. ...доктора юрид. наук: 12.00.07. – Ужгород, 2020. 471 с.
4. Грицина О.М. Етапи становлення державно-церковних відносин у незалежній Україні (1991–2011 роки) (Этапы становления государственно-церковных отношений в независимой Украине (1991-2011 годы)) // Наукові записки Інституту політичних і етнонаціональних досліджень ім. І. Ф. Кураса НАН України (Научные записки

- Института политических и этнонациональных исследований им. И. Ф. Кураса НАН Украины). 2018. №5 (55). С. 320–332.
5. Еленский В.Е. Украинское православие и украинский проект // *PRO et CONTRA*. 2013. №3-4 (59). С. 24–44.
 6. Иваненко С.И. Вторжение антикультулизма в государственно-конфессиональные отношения в современной России. – Санкт-Петербург: Древо жизни, 2012. – 52 с.
 7. Інформаційний звіт Міністерства культури України про стан і тенденції розвитку релігійної ситуації та державно-конфесійних відносин в Україні за 2011 рік (Информационный отчёт Министерства культуры Украины о состоянии и тенденциях развития религиозной ситуации и государственно-конфессиональных отношений на Украине за 2011 год) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства культуры Украины. URL: http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:BvglKXWOgbwJ:loga.gov.ua/sites/default/files/collections/informacijnyy_zvit_mku_2011.doc+&cd=12&hl=uk&ct=clnk&gl=ua (дата обращения: 20.05.2022).
 8. Кукін І.В. Релігія та віра як фактори інформаційної безпеки особистості у сфері національної безпеки держави (Религия и вера как факторы информационной безопасности личности в сфере национальной безопасности государства) // *Вчені записки Таврійського національного університету. Серія: Публічне управління та адміністрування (Учёные записки Таврического национального университета. Серия: Публичное управление и администрирование)*. 2020. № 5. С. 76-81.
 9. Лункин Р.Н. Политическая ситуация на Украине в свете церковного раскола // *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*. 2018. №6. С. 196–202.
 10. Мелехова О.С. Європейські моделі державно-церковних відносин та їх адаптацій в Україні: дис. ... канд. філософ. наук (Европейские модели государственно-церковных отношений и их адаптация на Украине: дис. ... канд. философских наук). – Киев: Національний педагогічний університет імені М.П. Драгоманова, 2019. 210 с.
 11. Назаров А.А. Религиозная составляющая политических процессов на территории Украины в прошлом и настоящем // *Вестник Российской международной академии туризма*. 2019. №2. С. 15-23.
 12. Отчёт Государственной службы Украины по этнополитике и свободе совести о сети религиозных организаций, об их обеспеченности молитвенными помещениями [Электронный ресурс] // Официальный сайт Государственной службы по этнополитике и свободе совести. URL: <https://dess.gov.ua/statistics-2020/> (дата обращения: 20.05.2022).
 13. Преображенская К.В., Осокин И.Е. Модели и типология отношений государства и христианской церкви в контексте трансформаций и вызовов современности // *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*. 2020. Вып. 3. С. 270-280.
 14. Сенюшкин Е.А. Внутривославные противоречия на Украине: через инструментализацию религии – к геополитизации конфликта // *Азимут научных исследований: экономика и управление*. 2019. №1 (26). С. 41–45.
 15. Снежкова И.А. Современная конфессиональная ситуация на Украине: межконфессиональные проблемы и поиски компромиссов // *Власть*. 2019. №4. С. 142-145.
 16. Baronavski C., Majumdar S., Villa V., Webster B. Religious restrictions around the world [Электронный ресурс] // *Pew Research Center*. 2021. September 30. URL: <https://www.pewforum.org/essay/religious-restrictions-around-the-world/> (дата обращения: 20.05.2022).

17. *Report on International Religious Freedom, 2020: Estonia* [Электронный ресурс] // Официальный сайт Офиса международных религиозных свобод Государственного департамента США. URL: <https://www.state.gov/reports/2020-report-on-international-religious-freedom/estonia/> (дата обращения: 20.05.2022).
18. *Robbers G. State and Church in the European Union / State and Church in the European Union. Baden-Baden: Nomos, 2019. P. 77–94.*
19. *Knutson D., Peter-Hagene L., Kler S. Liberal Political Orientation Strengthens the Positive Relationship between Religiosity and Support of Restrictive Bathroom Legislation // Sexuality Research and Social Policy. 2022. Iss. 19. P. 119–132.*
20. *Olkovich N. Rethinking the Politics–Religion Distinction // Political Theology. 2018. Vol. 19. Iss. 3. P. 227–246.*

Reference Literature:

1. **Baidarov Ye.U., Burova Ye.Ye., Kosichenko A.G.** *Secular Model of the State in the Context of State-Confessional Relations in the Republic of Kazakhstan // Topical Issues of State-Confessional Relations in the Republic of Kazakhstan: Collection of materials. - Almaty: Institute of Philosophy and Political Science of the Science Committee under the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, 2012. – 72 p. (In Russian).*
2. **Vasin M.S.** *Modern State-Church Interaction in Ukraine: Rethinking the Constitutional Foundations // Journal of Kiev University of Law. 2019. N 3. P. 80–87. (In Ukrainian).*
3. **Gretsa Ya.V.** *Content, Legal Means and Boundaries of Tax Planning: Foreign Experience and Practice. Uzhgorod, 2020. 471 p. (In Ukrainian).*
4. **Gritsina O.M.** *Stages of Formation of State-Church Relations in Independent Ukraine (1991-2011) // Scientific Notes of the Institute of Political and Ethno-National Studies named after. I. F. Kuras. 2018. N 5 (55). pp. 320–332. (Ukrainian).*
5. **Yelensky V.Ye.** *Ukrainian Orthodoxy and Ukrainian Project // PRO et CONTRA. 2013. № 3-4 (59). pp. 24–44. (In Russian).*
6. **Ivanenko S.I.** *Russian Invasion of anti-Cultism into State-Confessional Relations in Russia. St. Petersburg: Tree of Life, 2012. – P. 52. (In Russian).*
7. *Information Report of the Ministry of Culture of Ukraine on the State and Trends in the Development of the Religious Situation and State-Confessional Relations in Ukraine for 2011 [Electronic source]. URL: http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:BvglKXWOgbwJ:loga.gov.ua/sites/default/files/collections/informaciyniy_zvit_mku_2011.doc+&cd=12&hl=uk&ct=clnk&gl=ua (accessed: 20.05.2022).*
8. **Kukin I.V.** *Religion and Faith as Factors of Information Security of the Individual in the Field of National Security of the State // Scientific Notes of Taurida National University. Series: Public Governance and Administring. 2020. N 5. pp. 76-81. (In Ukrainian).*
9. **Lunkin R.N.** *Political Situation in Ukraine in the Light of the Church Schism // Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences. 2018. N 6. P. 196–202.*
10. **Melekhova O.S.** *European Models of State-Church Relations and Their Adaptation in Ukraine. Candidate dissertation in philosophy Kyiv: National Pedagogical University named after Dragomanov M.P., 2019. P. 210. (In Ukrainian).*
11. **Nazarov A.A.** *Religious Component of Political Processes on the Territory of Ukraine in the Past and the Present // Bulletin of the Russian International Academy of Tourism. 2019, N 2. pp. 15–23. (In Russian).*

12. *Report of the State Service of Ukraine on Ethnopolitics and Freedom of Conscience in the Network of Religious Organizations, on their provision with prayer rooms [Electronic source]. URL: <https://dcss.gov.ua/statistics> 2020 (accessed: 20.05.2022).*
13. **Preobrazhenskaya K.V., Osokin I.E.** *Models and Typology of Relations between the State and Christian Church in the Context of Transformations and Challenges of our time // Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy. 2020. Issues. 3. pp. 270–280. (In Russian).*
14. **Senyushkin Ye.A.** *Intra-Orthodox contradictions in Ukraine: through Instrumentalization of Religion to the Geopoliticization of the Conflict // Azimut of Scientific Research: Economics and Management. 2019, № 1 (26). pp. 41–45.*
15. **Snezhkova I.A.** *Today's Confessional Situation in Ukraine: Interfaith Problems and the Search for Compromises // Power. 2019. N 4. P. 142-145. (In Russian).*
16. **Baronavski C., Majumdar S., Villa V., Webster B.** *Religious restrictions around the world [Electronic source]. URL: <https://www.pewforum.org/essay/religious-restrictions-around-the-world/> (accessed: 20.05.2022).*
17. *Report on International Religious Freedom, 2020: Estonia [Electronic source]. URL: <https://www.state.gov/reports/2020-report-on-international-religious-freedom/estonia> (accessed: 20.05.2022).*
18. **Robbers G.** *State and Church in the European Union / State and Church in the European Union. Baden-Baden: Nomos, 2019. pp. 77–94.*
19. **Knutson D., Peter-Hagene L., Kler S.** *Liberal Political Orientation Strengthens the Positive Relationship between Religiosity and Support of Restrictive Bathroom Legislation // Sexuality Research and Social Policy. 2022. Iss. 19. pp. 119–132.*
20. **Olkovich N.** *Rethinking the Politics–Religion Distinction // Political Theology. 2018. Vol. 19. Iss. 3- pp. 227–246.*